

Елена Чащина

Средства речевого этикета в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв.

Studia Rossica Posnaniensia 34, 75-81

2008

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XVII ВВ.

MEANS OF THE LANGUAGE ETIQUETTE
IN THE LEGAL DOCUMENTS OF THE 16TH AND 17TH CENTURIES

ЕЛЕНА ЧАЩИНА

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of the speech etiquette in the legal documents of the 16th and 17th centuries. The problem of the literary etiquette in Old Russian records has been thoroughly investigated by Russian scholars. To the literary etiquette belong idiomatic word-combinations and formulae, adapted to the expression of obligatory and conventional concepts and notions.

To the etiquette of legal documents of Moscow Rus belong both idiomatic expressions and formulae, the so-called clichés, and such means of statement as address and specifying members of the sentence. Of great importance are traditional attributes and epithets, nouns with suffixes of subjective evaluation and other means.

The use of the means of the speech etiquette is conditioned by different reasons: the type of a document and the individual manner of the scribe. Social and psychological factors play the most important role.

Елена Чащина, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск – Россия.

Проблема речевого этикета активно разрабатывается исследователями на материале современного русского литературного языка. Под речевым этикетом принято понимать „выработанные обществом правила речевого поведения, обязательные для членов общества, национально специфические, устойчиво закрепленные в речевых формулах, но в то же время исторически изменчивые”¹.

Формы этикета, в том числе и речевого, возникали и развивались исторически, поэтому закономерен интерес к истокам русского речевого этикета, всем этапам его развития на протяжении многих столетий.

На материале древнерусских письменных источников (летописей, воинских повестей) исследователями рассматривались аспекты литературного этикета. Понятие литературного этикета и литературных формул утвердилось

¹ Н.И. Ф о р м а н о в с к а я, *Употребление русского речевого этикета*, Москва 1987, с. 5.

в филологической науке после выхода в свет работ А.С. Орлова, посвященных исследованию этой проблемы. Важным является вывод автора о том, что „...у книжников выработался известный художественный шаблон, который служил им готовою канвою для того или другого сюжета”. В частом повторении формул воинских повестей исследователь видит не контекстуальные заимствования, а „стереотипные выражения хорошо знакомого книжникам литературного рода”, в которые облакались в „сознании их авторов воинские картины”².

Затем к проблеме литературного этикета обращались и другие исследователи. Ими рассматривался целый ряд вопросов, в частности, каковы причины строгой этикетности литературных произведений, что представляли собой литературные формулы и чем обусловлено их использование. Также рассматривалась и проблема творческого подхода к использованию этикетных средств.

Прежде всего внимание исследователей обращалось на устойчивые сочетания, широко употребляемые в текстах летописей, житий и повестей. Именно в использовании в текстах традиционных формул исследователи видели проявление литературного этикета. В традиционном понимании литературный этикет – это своеобразные устойчивые словосочетания и формулы, приспособленные для выражения общеобязательных и общепринятых понятий и представлений феодального строя. Они сложились еще в Киевскую эпоху и стали по-своему характерными и для стилей исторического или житийного повествования, и для стиля нравоучительного проповедничества, и для юридических актов, и для всех стилей и жанров древнерусского литературного языка. Для обозначения таких словосочетаний использовались различные термины: их называли „стилистическими формулами” (Н.К. Гудзий, С.А. Богуславский), „постоянными формулами” (А.С. Орлов), „традиционными формулами” (О.В. Творогов), „стилистическими трафаретами” (Д.С. Лихачев), „стилистическими шаблонами” (Б.А. Ларин).

Выбор термина тем или иным исследователем определенным образом мотивирован. Так, О.В. Творогов, отказываясь называть такие словосочетания (формулы) стилистическими, объясняет это тем, что „в языке летописи действительно подобные обороты речи носили характер стилистических приемов, требуемых нормами литературного этикета [...], но они существовали и в живой речи, где они вовсе не были [...] стилистическими приемами, какими они оказались в письменности”³. Исследователь предпочитает называть их „традиционными формулами”, понимая под этим речевые штампы, то есть широко распространенные устойчивые словосочетания. Устойчивость, сте-

² А.С. Орлов, *Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)*. В: *Чтения в Общ-ве ист. и древн. росс. при Моск. ун-те*, кн. 4, Москва 1902, с. 1.

³ О.В. Творогов, *Традиционные устойчивые словосочетания в „Повести временных лет”*, „Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР” 1962, т. XVIII, с. 277.

реотипность объявляется их единственной общей чертой. На стереотипность литературных формул указывал и А.С. Орлов: „Есть возможность предполагать, что формулы литературных произведений создавались в старину как нечто стереотипное”⁴. Таким образом, для средневековой литературы был характерен перенос отдельных описаний, речей, формул из одного произведения в другое. Как отмечает Д.С. Лихачев, „...из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые должны были произноситься в данной ситуации, поступки, которые должны были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах, авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю и т. д. Исследователь в качестве основополагающих элементов литературного этикета средневекового писателя выдвигает следующие: 1) представление о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; 2) представление о том, как должно было вести себя действующее лицо соответственно своему положению и 3) представление о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Таким образом, автор выделяет этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный”⁵.

Принимая во внимание специфику литературного этикета, отметим наличие этикета делопроизводственного, свойственного деловым текстам. Остановимся на одном из распространенных видов деловых текстов – челобитных.

К этикетным элементам в деловых текстах, в частности в челобитных, относятся „устойчивые словосочетания и формулы, которые служат выражением общепринятых понятий и представлений эпохи, и приемы изложения, используемые при оформлении делового документа, куда относятся обращения к адресату, уточняющие члены предложения и т. п., кроме того, набор традиционных определений и эпитетов, а также употребление тех или иных лексико-грамматических средств и типовые, обобщенные способы передачи определенной информации (клише), под которыми понимается сама ситуация, в которой находится адресант, последствия, которые может вызвать неудовлетворение его просьбы”⁶. Использование средств речевого этикета обусловлено различными факторами, в том числе внелингвистическими, а именно: социальным фактором, психологическим и др. В различных видах документов эти факторы проявляются неодинаково.

В челобитных социальный фактор является необычайно важным. В документах данного вида адресат представляет собой лицо высокопоставленное и значительное (большинство челобитных адресовано представителям верховной власти – светской или церковной), а челобитчик, как правило, занимает более низкое социальное положение и, кроме того, в данной ситуации он выступает в роли просителя. Поэтому средства речевого этикета, исполь-

⁴ А.С. Орлов, указ. соч., с. 6.

⁵ Д.С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, Ленинград 1971, с. 107–108.

⁶ С.С. Волков, *Лексика русских челобитных XVII века*, Ленинград 1974, с. 111–112.

зуемые в данных документах, демонстрируют также социальную дистанцию между адресатом и адресантом. Значительное место занимает и фактор психологический, фактор эмоционально-экспрессивного воздействия, так как челобитчик стремится воздействовать на чувства адресата с целью добиться выполнения своей просьбы.

Одним из этикетных средств являются обращения. В челобитных обращениях используются довольно активно и, как правило, содержат имя адресата и его полный титул. Такого рода обращения находим в начале просительной части документа: *Млсрдые великие гсдри цри і великие кнзи Иоаннъ Алеѣѣвичъ Петръ Алеѣѣвич всеа великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержжцы* (ГААО, ф. 57, оп. I, № 381, 1695), *Милостивый Государь Царь и Великий князь Михаил Ѡедоровичъ всеа Русіи* (АЮ, № 51, 95, 1615). В составе обращения следует отметить наличие определений *милосердый, милостивый*, употребление которых было обязательным. Исключение составляют лишь, пожалуй, те тексты, просительная часть которых начинается с глагольных форм *смилиуйся, умилостивитесь* и т. п. В таких случаях обращение следует после вышеназванного глагола и иногда содержит титул адресата и его имя. Например: *Смилиуйся, государь святой архимандритъ Никонъ, еже о Христѣсъ братьею, пожалуй насъ* (АЮ, № 42, 89, 1658).

В качестве обращений, которые включаются в текст повествовательной и просительной части документа, используются слова *государь, государи, государыня*. Данные обращения выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, являясь средством, характеризующим адресата, выражающим отношение к нему. С.С. Волков отмечает: „Слова *государь, государыня, государи*, выступая здесь, своеобразно десемантизируются: это вежливая форма обращения к старшему по социальному положению”⁷. Употребление данного вида обращений свойственно всем челобитным, только лишь с разной степенью его частотности⁸.

К одному из этикетных средств и средств эмоционально-экспрессивного воздействия следует отнести и определения, частота употребления которых в документах данного вида очень велика.

Прежде всего следует отметить определения, относящиеся к верховным правителям, светским и духовным феодалам. Это такие прилагательные как *благоверный, благородный, благочестивый, милосердный, милостивый, многолѣтний* и др. Одни из определений входили в состав устойчивых формул, и их употребление было обязательным. Например, в составе начального протокола при именовании царицы или царевны использовалось определение *благоверной* (дат. пад.), в составе обращения, открывавшего просительную

⁷ Там же.

⁸ Е.А. Ч а щ и н а, *Обращения в деловых текстах XVI–XVII вв.* В: *Актуальные проблемы преподавания филологии в рамках системы „вуз – гимназия – прогимназия”*. Межвузовский сборник научных трудов, ч. I, Мичуринск 1995, с. 97–101.

часть документа, употреблялись прилагательные *милосердый*, *милостивый*, иногда *праведный*, *благочестивый*. Выбор того или иного варианта эпитета, следует думать, всецело зависел от воли писца. Наиболее употребительным было определение *милосердый*: *Милосердый Государь царь и Великий Князь Алексѣй Михайлович всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России Самодержецеъ* (АИ, IV, № 206, 438, 1668). Определение *милостивый* встречаем в составе обращения к верховному правителю (особенно на территории Западной Руси), но чаще всего, как показывают наши материалы, данное определение используется при обращении к лицу духовного звания: *Млстивый великий гсднь пресвищеный Питиримъ митрополитъ Великого Нова града Великолуцкии* (ГААО, ф. 792, оп. I, № 77, 1637); *Млстивый гсдрь преосвищеный Авонасий архиепсктъ Колмогорскій і Важескій* (ГААО, ф. 1025, оп. I, № 10, 1682; № 42, 44, 46, 47, 51, 53, 1683; № 239, 296, 1689; № 301, 361, 1690; оп. 2, № 147, 1692; № 198, 1696; № 213, 216, 220, 222, 1698).

Прилагательное *благочестивый* встречается довольно редко: *Благочестивый Государь Царь и Великий Князь Михайло Феодоровичь всеа Руси!* (АЮ, № 37, 85, 1613). Иногда наряду с другими определениями: *Милосердый государь, благочестивый и Богом хранимый Царь и Великий Князь Дмитрей Иванович всеа Русіи* (АИ, II, № 126, 152, 1608). Прилагательное *праведный* в значении ‘настоящий, подлинный’ использовалось в тексте преимущественно в эпоху ‘смутного времени’ и некоторый период после него, когда живы были еще воспоминания о самозванцах. Приведем примеры: *и за то службишко мы холопи твои отъ тебя праведного Государя пожалованы твоим царским жалованьемъ* (АЮ, № 40, 88, 1645); *пожалуй меня холопа своего [...], чемъ тебѣ праведному гсдрю об мнѣ бгъ извѣститъ* (МДБП, № 48, 66, 1646); *сколко тебѣ Государю праведному обо мнѣ Богъ извѣститъ* (АИ, III, № 230, 390, 1643; № 235, 395, 1644). В одном из документов, повинной челобитной, адресованной царю Лжедмитрию, встречаем определение *прирожденный*, которое призвано еще раз подчеркнуть веру челобитчиков в подлинность и истинность государя: *...смилуйся надъ нами, вину нашу намъ отдай, а мы тебѣ Государю ради служити, и во всемъ прямити, и за тебя природенного Государя умереть* (АИ, II, № 101, 133, 1608).

Характерной особенностью челобитных является то, что называнию имени челобитчика предшествует формула, выражающая вассальные отношения. Эти формулы использовались в соответствии с тем социальным положением, которое занимал челобитчик. Так, у служилых людей разных сословий использовалась формула *холоп твой (ваши)*, у крестьян – *сирота твой (ваши)*, у женщин – *раба (сирота) твоя (ваша)*, священнослужители использовали формулу *богомалец твой (ваши)*, *богомалица твоя (ваша)*. Как отмечает С.С. Волков, существительные, входящие в состав этих формул – *холоп*, *сирота*, *раб (раба)*, *богомалец*, употребляются не в собственных своих значениях: *холоп* – ‘кабально зависимое от кого-либо лицо, крепостной крестьянин’, *сирота*

– ‘крестьянин’, *раба* – ‘рабыня и холопка’, *богомалец* – ‘священнослужитель’, а в значении ‘безусловно покорный(-ая), верноподданный(-ая)’⁹.

В коллективных челобитных, авторами которых являются лица, различные по своему социальному положению, используются формулы, соответствующие социальному статусу каждого челобитчика. Например: *бьют челом раба твоя вдова кодашевка Дунка Григорева да сирота твои Новгородцкой сотни Ивашка Иванов да холоп твои Касенной слободы Кирюшка Григорев*. В тексте далее: *...взяли мы товару сорок бочекъ селдей [...] я сирота твой Ивашко да я холоп твой Кирюшка да муж мои рабы твоей кодашевецъ Агей Евсеевъ... пожалуй нас рабу и холопа и сироту своих, вели гсдрь* (МДБП, № 80, 85, 1674)¹⁰.

Таким образом, использование вышеназванных формул можно отнести к стилеобразующим средствам, так как их употребление связано с целью подчеркнуть челобитчиком свое зависимое положение, сохранить социальную дистанцию по отношению к адресату, а не только с тем, чтобы указать на свой социальный статус. Использование формул вассальной зависимости являлось традиционным, было строго регламентировано и дифференцировано в своем употреблении.

Наряду с формулой вассальной зависимости используются и определения этикетного характера, которые также имеют своей целью принизить челобитчика, в каких-то случаях продемонстрировать то бедственное положение, в котором он находится.

Некоторые этикетные определения устойчивы в своем употреблении и, кроме того, строго дифференцированы. Определение *горький* в значении ‘безутешный’ может использоваться только в том случае, когда речь идет о вдове, *нищий* ‘неимущий, бедный’ – только о монахах, *скудный, бедный* ‘неимущий’ – встречается только в крестьянских челобитных. Например: *бьет челом бѣдной сирота вашъ мнстрьской крестьянинъ Слицкой Е. ѿимко Никиѳоровъ сынъ Орловъ* (ГААО, ф. 191, оп. 3, № 224, 1699); *бьютъ челом нищие твои государевы богомольцы* (АХУ, I, XX, 298, 1657). Возможно, использование данных определений не было строго обязательным, так как в большом количестве текстов они отсутствуют, но все же составитель документа считал необходимым внесение этих определений. Показательным в этом плане является фрагмент одного из документов, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, в котором определение *нищие* вписано сверху: *бьютъ челомъ твоихъ црскихъ бгомоленъ Каргопольского Спского мнстра Васстьяновы Строкины пѣстыни (нищие) ізѣмень Ювище з братьею...* (ГААО, ф. 792, оп. 1, № 123, 1655). В данном случае нет формулы

⁹ С.С. Волков, указ. соч., с. 45.

¹⁰ См. об этом более подробно: Е.А. Ч а щ и н а, *О лексическом составе формулы вассальной зависимости в челобитных XVI–XVII вв.* В: *Вопросы современной лингвистики. Межвузовский сборник научных трудов*, Архангельск 1999, с. 24.

вассальной зависимости (ее, видимо, заменяет использованное здесь *твоих црских бгомолен*), и вышеназванное определение относится непосредственно к адресанту.

Кроме того, в деловых текстах используются такие определения, как *беззаступный, беспомощный, ограбленный, должный, разоренный* и др. Как правило, употребление таких определений обусловлено желанием челобитчика оказать воздействие на адресата, вызвать к себе сочувствие. Например: *пожалуй нас нищих бедных и скудных своих богомольцев* (АХУ, I, № 105, 1687); *пожалуй насъ бѣдныхъ и беспомощныхъ разоренныхъ сиротъ* (АЮ, № 42, 89, 1658); *пожалуй мнѣ, бедному и должному холопу своему* (МДБП, № 34, 61, 1645); *а мы сирота твоя крестьянишка безответные, зауплошные* (АХУ, III, № 97, 121, 1632). Такого рода определения активно используются при описании той ситуации, в которой находится челобитчик, и призваны наряду с другими средствами способствовать удовлетворению его просьбы: *а я, сирота, человекенко бѣдной и непрожиточной, и одить и пить и ѣсть нечего, помираю голодную смертію* (АИС, 169, 422, 1662). В другом документе читаем: *и не давѣ мнѣ сиротѣ жить въ податѣ и полугода, выбрали на твою великого государя службу въ Сибирь [...] въ таможенные и въ заставочные головы [...] а я сирота твой человекенко старой и увечноі и очми мало вижу, и умомъ скуденъ и безпаметенъ, и дряхль. И далее: и съ такое твое великое государево дѣло меня сироту не будетъ, потому что я сирота твой состарѣлся, умомъ скуденъ и безпаметенъ, и очми мало вижю, і всѣмъ дряхоль и недостаточень* (АХУ, III, № 218, 294, 1658).

Таким образом, в памятниках деловой письменности, кроме языковых средств, выражающих собственно юридическое содержание, используются элементы этикетного характера. Делопроизводственный этикет находит свое выражение в употреблении формул (формулы титулования, формулы вассальной зависимости), а также обращений, определений и т. п. При этом происходит десемантизация отдельных терминов (таких как *холоп, раб* и т. д.). Причины использования этикетных средств различны. В частности, в челобитных наиболее значимыми являются факторы социального и психологического свойства.

Список сокращений

АИ	– <i>Акты исторические</i> , т. 1–3, Санкт-Петербург 1841; т. IV, Санкт-Петербург 1842.
АХУ	– <i>Акты Холмогорской и Устюжской епархий</i> , ч. 1–3, РИБ, т. 12, 14, 25, Санкт-Петербург 1890–1908.
АЮ	– <i>Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства</i> , Санкт-Петербург 1838.
ГААО	– Государственный архив Архангельской области.
МДБП	– <i>Московская деловая и бытовая письменность XVII в.</i> , Москва 1968.